

Уроки Вячеслава Леонидовича Глазычева

Город и пригород: вечное противостояние

В своей статье В.Л. Глазычев размышляет об извечном противоборстве города и «деревни». Автор отмечает, что «применительно к обиталищу человека вопрос о первичности курицы или яйца решен вполне определённо: ядром цивилизации стал «агророгород», поселение, имевшее городскую плотность и городскую систему укреплений, однако абсолютное большинство обитателей, наряду с домашними ремеслами, занималось сельскохозяйственными работами». Приводятся примеры древнейших городов (Чатал-Хюйюк, Египет, Месопотамия, Минойский Крит) с описанием их внутреннего устройства. Так, скажем, извлекаемые археологами из-под вулканического пепла дома, улочки и миниатюрные площади Акротири на острове Санторин, погибшего около 1470 г. до н.э., предъясняют нашему взору отчетливо городскую схему небольшой колонии. Следы горшков для комнатных растений на подоконниках явственно говорят об отчужденности внутригородского об-

раза жизни от окружающего пасторального ландшафта, а изображения замечательных фресок подтверждают эту обособленность дважды. Во-первых, изображением «дикого» ландшафта, противостоящего стене, на которой он создан. Во-вторых, изображением города и порта в окружении залива и холмов.

Относительно древнегреческих полисов Вячеслав Леонидович отмечает следующее: «Город как место политических собраний, как место театральных состязаний и государственных празднеств, как место, где в гимназиях и палестрах проводила время свободная молодежь, а затем уже как место досуга и комфорта (скорее вне дома, в общественных местах) все явственнее противопоставит грубости деревенской жизни».

«Подъем Рима от полудеревенского статуса до состояния вселенской империи постепенно формирует совершенно новую ситуацию. Если «хорой», зависимой пригородной территорией греческой или заурядной римской колонии, были окрестные угодья с их обитателями, то своеобразной хорой Рима становится вся гигантская территория империи. В любой точке ее пространств, от Абиссинии до Шотландии и от Гибралтара до Евфрата, мильные столбы вдоль дорог фиксируют дистанцию от Рима, и какая-нибудь мелкая вещица, хранящаяся в музее Базеля, вроде дорожных солнечных часов, которые следовало настраивать на географическую широту провинции, доказывает это со всей определенностью. Двойная история города и пригорода, столицы и провинциальной глуши развертывается веками, однако подлинное их противостояние началось только в

ГОРОЖАНЕ И ПРИРОДА

У городской стены было огромное будущее, коль скоро даже в 1690 г. словарь Фюретьера определял город как «место обитания достаточно многочисленных людей, обычно замкнутое стенами». Однако горожане отнюдь не были отторжены от природы хотя бы потому, что на задах сплошной застройки улицы и в Париже, и в Лондоне, и в Москве, не говоря о меньших городах, простирались огороды, между которыми проходили скотопронные дороги.

Средние века. Говорить о начале можно потому, что средневековые исходно сельское: разрушив урбанистическую культуру Римской империи, не испытывая потребности в ее базиликах, цирках, акведуках и термах, вчерашние варвары (они перестали быть варварами, потому что некому теперь было их так называть, кроме владык и плебса Константинополя) стремились во что бы то ни стало сохранить свободу сель-

ской общины, волю выплескиваемой ею военной дружины. Среди маленьких поначалу городков, возникших как торговые посады при замках или аббатствах, выделяются другие, которые становятся центрами епископств, своего рода римами в миниатюре. Большинство из них – старые римские центры провинций.

К XII в. города крепнут. Поддерживая слабую королевскую или императорскую власть, они в свою очередь пользуются ее поддержкой и на изрядное время побеждают и светских, и церковных феодалов, заставляя их срыть замки в городской черте.

У городской стены было огромное будущее, коль скоро даже в 1690 г. словарь Фюретьера определял город как «место обитания достаточно многочисленных людей, обычно замкнутое стенами». Однако горожане отнюдь не были отторжены от природы хотя бы потому, что на запад сплошной застройки улицы и в Париже, и в Лондоне, и в Москве, не говоря о меньших городах, простирались огороды, между которыми проходили скотопробные дороги. Чем крупнее становились города, чем быстрее они застраивали прежние огороды и сады, тем острее становилась их зависимость от доставки продуктов пропитания. Пока время было мирным, города выигрывали у деревень, но как только начинались военные действия, что происходило с устрашающей регулярностью, отношения зависимости переворачивались...»

Вячеслав Леонидович подробно анализирует взаимоотношения города и пригорода во Франции, Испании, Англии, Италии, России и США, а также выделяет их особенности и обосновывает их с исторической точки зрения. Не остается без внимания автора и мусульманский мир.

«С распространением паровых машин промышленность поначалу повсеместно совершает исход из города, тяготея

к реке и близким доставкам сначала дров, а затем угля, но к концу XIX в. распространение электродвигателя втягивает промышленность в город, поближе к месту концентрации рабочей силы. Возникает великий феномен преобразования старого предместья в промышленную окраину, выстраивается барьер между все более плотным даунтауном и природным комплексом округа».

В.Л. Глазычев размышляет о проблемах и процессах, связанных с урбанизацией современного мира. Он приходит ко множеству выводов, связанных с культурой и психологией современной жизни. В конце статьи автор делает вывод, что «практически все слова исторического языка урбанизации близки к полной утере связи с ранее устойчивым смыслом. Города в полном смысле уже нигде нет, за исключением искусственно законсервированных городов-музеев, да и те иллюзорны, слабо отличаясь от декораций в павильонах Голливуда. <...> Метрополии, равно как величайшие памятные города цивилизации, пытаются противостоять глобальной энтропии, однако это им удается в сугубо индивидуальных случаях или в восприятии особо чувствительных натур. В целом пригород одержал победу над городом, и если под словом village иметь в виду не деревню, а пригород, то приходится признать, что на 2000 год определение мира как Global Village, данное в своё время Маршалом Мак-Люэном, оказывается удивительно точным».

Русский дом: поиски стиля.
(журнал «Российская провинция», №1, 1995)

В своей статье В.Л. Глазычев пытается проследить эволюцию национального стиля проектирования домов. Делает автор это в исторической ретроспективе, приводя некоторые примеры конкретных строений.

В начале статьи Вячеслав Леонидович замечает, что «в справедливом гневе на современные убогие жилища, тиражированные в бесконечность с помощью подъемного крана, нынешний обыватель склонен к ностальгическим вздохам по поводу некоего туманно-блистательного прошлого».

Далее приводится опыт славянофилов, которые первыми обратились к сюжету русского/русского жилища. Как пример воплощения «русского облика» в архитектуре приводится дом Поро-

GLOBAL VILLAGE

В целом пригород одержал победу над городом, и если под словом village иметь в виду не деревню, а пригород, то приходится признать, что на 2000 год определение мира как Global Village, данное в своё время Маршалом Мак-Люэном, оказывается удивительно точным.

Фрески Акротири (остров Санторини)

ховщика: «для своего времени (1871 год!) перед изумленными москвичами предстала расчетливая провокация в пышном резном убранстве. Этот дом, построенный русским архитектором по фамилии Гун для купца Пороховщикова, выглядел столь неожиданно, что, невзирая на скромные размеры постройки, журнал «Зодчий» посвятил попытке придать ей русский облик несколько страниц, особенно отметив всех поставщиков. Чтобы постичь всю отчаянную тогда авангардность решения дома Пороховщикова, достаточно сказать, что в начале нашего века «британская» идея отдельных комнат для детей оставалась по большей части экзотической. Во всяком случае в собственном и им самим построенном доходном доме моего деда, архитектора Н.Н. Чернецова, на Басманной улице, трое детей-подростков мыкались на ночь по кушеткам, там и сям расставленным в гостиных, а для приготовления уроков загонялись в общую «классную» комнату».

«Но о чем же, собственно, речь, когда этот самый русский облик имеется в виду?» – задается вопросом автор.

«Если говорить о деревенском жилище средней России, то обычная изба-пятистенка о трех окошках по фасаду замыкает собой ряд неспешной эволюции от землянки и курной избы. Иначе и не могло быть, поскольку до самого Екатерининского времени сельское население оставалось в известном смысле кочевым, столь часто переноса высылки и деревни на край новой гари, что устраиваться серьезнее не было хозяйственного смысла. Этнографы много,

конечно, рассказывают интересного о всевозможных значениях, обволакивающих каждый элемент дома, от его порога до «курицы», которой завершается конек кровли, однако самый тип дома как минимального местообиталища от этого не меняется. Одна жилая комната и холодные сени, так что теленка в зимние холода брали в избу, лавки и в лучшем случае, уже под воздействием отходничества, ситцевая занавеска, пара ларей и божница в углу.

Одно великое изобретение было, впрочем, порождено скромными обитателями избы – это русская печь, блистательный инструмент экономного обогрева, вдохновляющий сегодня множество архитекторов Канады и США ввиду сочетания высокой степени экологичности с аппетитностью сильного, массивного каменного ядра внутри деревянного дома. Печь нередко заполняла скромную избу на треть ее объема, и по тогдашним доходам это было сложное и дорогое сооружение, которое могли возвести только специалисты. И отопление (нередко, впрочем, грозившее смертью от угара), и готовка, и даже «ванная комната», когда несподручно было топить баню, – все в одной печи. Не будет большого греха сказать, что средний деревенский дом есть русская печь, обстроенная полатами и минимумом свободного пространства в оболочке из бревен, при холодных и темных сенях», – пишет Глазычев.

Вячеслав Леонидович делает философские по сути своей выводы, размышляя о хозяйственном укладе русского человека, в частности, – о деревянном по

О РУССКОЙ ИЗБЕ

Печь нередко заполняла скромную избу на треть ее объема, и по тогдашним доходам это было сложное и дорогое сооружение, которое могли возвести только специалисты. И отопление (нередко, впрочем, грозившее смертью от угара), и готовка, и даже «ванная комната», когда несподручно было топить баню, – все в одной печи. Не будет большого греха сказать, что средний деревенский дом есть русская печь, обстроенная полатами и минимумом свободного пространства в оболочке из бревен, при холодных и темных сенях.

преимуществу зодчества: «в том, что мы не можем заметить следов самой идеи создания и поддержания Дома как чего-то незыблемого, чему бы полагалось существовать веками, как то было принято в каменно-кирпичных странах, видят обычно – и вполне справедливо – влияние характера строительного материала и, главное, общего чувства временности, незащищенности и даже как бы необязательности бытия русского обывателя. Похоже, неизбывная традиция отделения сыновей в равной степени в городе и селе сыграла в этом не меньшую роль...».

Далее Вячеслав Леонидович размышляет об особенностях голландско-немецкого типа жилища, ввезенного Петром I для застройки болотистого Петербурга, о московском особнячке, «имевшем с прототипом своим – подлинной барской ампириной усадьбой – лишь то сходство, что имел или приставной портик, или хотя бы фронтон в вариантах победнее, да ещё несколько львиных физиономий и гипсовых трофеев или иных антиков» – нельзя ли их отнести к примерам «подлинно русского зодчества» и счесть традиционным русско-российским домом?

В.Л. Глазычев утверждает, что поиск «своего» дома начался в России не раньше 80-х годов прошлого века, когда «представитель сословия начал осознавать в себе личность». Заказчик стал строить дом относительно самого себя в пространстве мировой культуры, т.е. мог выбирать из всего многообразия общемирового опыта – от «русского

Жилой дом типа «кошель»

3 Тип северной русской избы

4 Особняк Пороховщикова в Староконюшенном переулке (г. Москва), архитектор А.Л. Гун.

стиля», придуманного отечественными художниками, до стиля модерн или романтической неоготики. Причем воплощались эти замыслы «не в городе, а «на даче», так что вновь в России возникает свой почерк устройства жилища, ибо феномен российской дачи, без ко-

от сноса в 70-е годы (одно из немногих бесспорно добрых дел Союза архитекторов), по сей день демонстрирует досужему посетителю целую гамму односемейных домов, предложенную на рынок строительным трестом. Вместе с НЭПом этот шанс был уничтожен, и

торой, пожалуй, не было бы ни Чехова, ни Станиславского, ни Репина таких, какими мы их знаем, прямых аналогов на Западе не имеет...». «Еще в конце двадцатых годов у нас был реальный шанс продолжить начатую столетие назад эволюцию, и посёлок Сокол в Москве, в последний момент спасенный

на долгие десятки лет национальным типом жилища стал рабочий барак, образ которого ярчайше запечатлен романами «Время, вперед!» В. Катаева и «Люди из захолустья» А. Малышкина», – сетует автор.

Относительно современной ситуации Вячеслав Леонидович пишет, что нам приходится возвращаться к прерванной традиции, обнаруживая, что иной, нормальной не изобретено.

Выкупаются комнаты в «коммуналках», и те вновь становятся жилищем более чем состоятельных людей. Начинают разбирать хрущевские пятиэтажки, и на их месте возводятся так называемые дома улучшенной планировки, так как домостроительные комбинаты, заботливо оберегаемые от необходимости перестройки лоббистами в муниципалитетах, не собираются расставаться с налаженным ритмом. «Новые русские» на равных со «старо-новыми советскими» изomenclатуры возводят вне города коттеджи или нечто на них похожее – кто во что горазд: кто «под ампир», кто «в русском стиле», кто «готику», а иные «в авангардном духе, но так, чтобы снаружи не было видно».

«Все нормально, то есть наличествует одновременно все мыслимое многообразие разнонаправленных движений, полярных культурных ориентаций, и в этом, пожалуй, сильнее всего проявляется подлинная крепость российской традиции», – резюмирует Вячеслав Леонидович. ■

УРОКИ ВЯЧЕСЛАВА ЛЕОНИДОВИЧА

Уроки Вячеслава Леонидовича ещё многие годы будут приносить пользу людям, заинтересованным в развитии территории нашей страны, в создании процветающего, сильного и здорового государства. А потому в каждом номере нашего журнала будут публиковаться обзоры его статей и иная информация, носящая просветительский характер.

Напоминаем, что любые материалы – воспоминания, переписку, фото и видео из ваших личных медиатек – можете направлять Юрию Кондакову для дальнейшего наполнения сайта www.glazychev.ru.

5 Сокол – посёлок художников (Москва)